

ЧУДОВ МОНАСТЫРЬ

— Места, которых нет —

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный
Чудов монастырь

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Чудов монастырь / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Здесь был монастырь.Шесть веков в этих стенах молились и убивали. Крестили царей и свергали патриархов. Спасали ханшу от слепоты и уморили патриарха голодом. Принимали Наполеона в алтаре и Романовых — на крестинах.16 декабря 1929 года монастырь ещё стоял.17 декабря — уже нет.Эта книга — не житие святого и не справочник краеведа. Это рассказ о том, как одно место проходит через всю русскую историю — от чуда Архистратига Михаила до брусчатки Ивановской площади. О том, как государство признаёт памятник архитектуры и взрывает его через шесть лет. О том, как Россия дважды стирает то, что было её душой, — и оставляет пустоту, которая помнит больше, чем любое здание.Третья книга цикла «Места, которых нет».Про Красные ворота. Про Сухареву башню. Про Страстной монастырь.О Москве, которая стоит на Москве.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Фундамент	5
Глава 1. Ханша, исцеление и подарок	6
Глава 2. Город в городе	8
Глава 3. Крепость на крови	11
Глава 4. Семейный монастырь	14
Глава 5. Французский штаб	17
Глава 6. Красное и белое	20
Глава 7. Освободить место	24
Эпилог. Камни	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чудов монастырь

Пролог. Фундамент

Если встать на Ивановской площади — той самой, что раскинулась между колокольной Ивана Великого и Царь-пушкой, — и посмотреть под ноги, можно увидеть странное.

Прямо в брусчатку вросли низкие каменные кладки. Тёмные, обветренные, едва возвышающиеся над землёй. Кто-то проходит мимо и не замечает. Кто-то замечает, но не понимает. Кто-то останавливается, читает табличку, кивает и идёт дальше — к Царь-пушке, к Царь-колоколу, к очереди в Оружейную палату.

Табличка сообщает коротко и сухо: *фрагменты фундаментов утраченных памятников архитектуры.*

Всё. Больше ничего.

Ни названия. Ни истории. Ни имён.

А ведь на этих фундаментах восемь веков стоял монастырь. Один из самых почитаемых в России. Тот, где крестили царей и хоронили митрополитов. Где свергали патриархов и хоронили врагов. Где молились, судили, мирились и умирали. Место, которое знало почти всех, кто когда-либо правил этой страной.

Сегодня от него остались вот эти камни. Вросшие в землю. Почти невидимые. И имя — которого на табличке нет.

Может быть, именно поэтому стоит начать с вопроса, а не с ответа.

Что здесь было?

И почему от этого «что-то» остались только обрубленные корни, торчащие из мостовой у ног прохожих, которые спешат мимо, не поднимая глаз?

Чтобы ответить, надо вернуться на шесть с половиной веков назад. В Кремль, который тогда был совсем другим. В Москву, которая ещё не была столицей. И к человеку, который одним своим словом мог остановить болезнь, помирить хана с митрополитом и превратить чужой двор в святую обитель.

Глава 1. Ханша, исцеление и подарок

Тринадцать пятьдесят восьмой год.

Москва ещё молода — ей чуть больше двухсот лет. Кремль ещё деревянный по большей части, каменные стены только-только строятся. А над Русью по-прежнему висит Орда — тяжёлая, чужая, всеильная. Русские князья ездят в Сарай на поклон. Русские митрополиты — тоже. Не по своей воле, а потому что так устроен мир: хан решает. Хан разрешает. Хан милует.

И вот однажды митрополита Московского Алексия вызывают в Орду.

Не на суд. Не на расправу.

Надежда.

Потому что ханша Тайдула — мать хана Джанибека, женщина, перед которой склоняются тысячи, — слепнет. Медленно, неотвратно, день за днём. Лучшие лекари ничего не могут сделать. И где-то в глубине ордынского двора кто-то вспоминает: есть на Руси святитель. Говорят, его молитва сильна.

Алексием зовут.

Он едет через степи. Долго, тяжело, в жару и пыли. К нему приставлены ханские люди — не то охрана, не то конвой. Никто не знает, чем это кончится. Может быть, вернётся с честью. Может быть, не вернётся вовсе.

Приезжает.

Тайдула ждёт. Слепая. Величавая. Испуганная по-своему — не за жизнь, а за то, что мир вокруг неё начинает гаснуть.

Что делает Алексей, точно не знает никто. Летопись говорит коротко и сдержанно: *молился*. Молился ночь. Молился утром. Молился, пока не почувствовал, что можно остановиться.

И свершилось.

Тайдула прозрела.

Трудно сказать, что было дальше — что она почувствовала, что сказала, как посмотрела на человека, вернувшего ей свет. Летописи не сохранили её слов. Сохранили другое — **поступок**.

В благодарность ханша подарила митрополиту двор.

Не деньги, не землю где-то на окраине, не грамоту на доходы. А **двор ханских наместников прямо в Кремле**. То самое место, где стояло посольство Золотой Орды. Где жили и правили те, через кого Орда держала Русь. Участок, который для Москвы был символом унижения — постоянным напоминанием о том, кто здесь настоящий хозяин.

И вот этот участок отдают митрополиту.

Русскому. Церковному. Московскому.

Если вдуматься, это было чудо не меньшее, чем исцеление Тайдулы. Орда добровольно отдавала Руси кусок своего присутствия в самом сердце русской земли. Ханский двор превращался в митрополичий. Символ чужой власти становился символом власти своей.

Но одного дара было мало. Место нужно было освятить. Наполнить другим смыслом.

И уже в 1358 году на этой земле поставили **деревянную церковь**. Небольшую, скромную, первую. Она простояла несколько лет, а потом её перестроили — уже в камне.

Случилось это **28 ноября 1365 года**. Эта дата и стала днём рождения обители. Так на востоке Кремля, на месте бывшего ханского двора, появился **Чудов монастырь**.

Название дали по храму. Каменный собор освятили в честь **Чуда святого Архистратига Михаила в Хонех**.

Это древнее предание четвёртого века. Жил некий благочестивый пономарь Архипп, при храме близ города Хоны во Фригии. Язычники решили уничтожить церковь: соединили две реки в один поток и направили его прямо на храм. Архипп молился — не о себе, о церкви. И тогда явился Архистратиг Михаил. Ударил копьём в скалу, открыл расщелину, и вода ушла в неё, не тронув святыни.

«Чудо в Хонех» — это история о том, как небесные силы вмешиваются в земные дела ради того, что человек не может защитить сам.

Трудно было выбрать более точное имя для монастыря, стоящего в Кремле.

Место, где когда-то сидели чужие. Место, которое теперь принадлежит своим. Место, где земное постоянно нуждается в защите небесного. И где небесное — раз за разом — приходит на помощь.

Тогда, в 1365 году, вряд ли кто-то думал о том, что этот монастырь простоит почти шесть веков. Что через его стены пройдут цари и патриархи, самозванцы и императоры, Наполеон и советская власть. Что его обстреляют, восстановят, признают памятником — а потом взорвут за одну ночь.

Нет, в тот день было тихо. Падал снег. Строители укладывали камни. Митрополит Алексий, вероятно, стоял и смотрел, как растёт соборный храм, освящённый во имя Чуда.

Он не знал, что создаёт одну из главных святынь Москвы.

Но, наверное, догадывался, что создаёт что-то важное.

Он ведь уже видел чудо своими глазами. И теперь строил место, где такие чудеса должны были происходить снова и снова.

Они и происходили.

Правда, не всегда светлые.

Глава 2. Город в городе

Монастырь рос не сразу.

Он собирался, как собирается большая семья — по человеку, по постройке, по поколению. Сначала деревянный храм. Потом каменный собор. Потом придел. Потом ещё один. Потом трапезная. Потом звонница. Потом кельи. Потом стены. Потом ворота. А потом — ещё ворота, и ещё, и ещё.

К XV–XVI веку Чудов монастырь перестал быть просто обителью. Он стал **городом внутри Кремля**. Со своим двором, своей иерархией, своим распорядком дня, своими воротами, которые открывались и закрывались по часам. С людьми, которые здесь родились, выросли, состарились и умерли. С детьми, которые бегали по двору. С запахами — воска, ладана, печёного хлеба, мокрой штукатурки. Со звуками — колоколами, пением, шагами по камню, скрипом вozов.

Если бы можно было подняться над Кремлём XV века и посмотреть вниз, глаз сразу выхватил бы этот плотный, густо застроенный угол на востоке. Не просто здание. **Гнездо**.

В центре всего стоял **собор Чуда Архистратига Михаила в Хонех** — тот самый первый каменный храм, ради которого всё и начиналось. Он был сердцем монастыря. Здесь служили главные литургии. Здесь молились о государях, о войске, о мире. Здесь, у стены, лежали мощи святителя Алексия — основателя.

Собор перестраивался. Расширялся. Менял облик. Как меняется человек с возрастом: сначала юн, потом крепок, потом по-своему мудр. К XVII веку он приобрёл тот вид, который запомнят москвичи последних веков империи — строгий, белый, с золотыми куполами, плотно вставший в проём между другими постройками.

Рядом с ним стоял **Благовещенский храм**. Тоже древний, тоже перестраивался. В XVII веке его возвели заново — так, чтобы он **слился в единый комплекс с Алексеевской церковью**. Два храма, ставшие одним архитектурным телом. Так бывает: две истории срастаются в одну.

К западу от этого узла примыкала **трапезная палата**. Огромный зал, где братия собиралась на общую еду — с длинными столами, с деревянными лавками, с тишиной, прерываемой только чтением вслух. При трапезной освятили **церковь Андрея Первозванного**. Она была

исключительно для монахов. Не для гостей, не для мирян, не для паломников — только для своих. Внутренний, закрытый, семейный храм. Тихое сердце монастыря, куда посторонним вход был закрыт.

А над воротами — **надвратные храмы.** Их было **множество.** Целая россыпь.

Это отдельная, почти забытая сегодня красота русского монастыря: храм, встроенный прямо над входом. Тыходишь — а над тобой уже церковь. Ты ещё не успел переступить порог, а небо уже здесь. Каждые ворота — это не просто дверь, это **порог с молитвой.** Тыходишь не в здание, а в небо. И это не метафора — это архитектура, выстроенная так, чтобы человек чувствовал это телом.

В Чудовом таких надвратных храмов было особенно много. Монастырь, как большая гроздь, был усыпан ими — на всех входах, на всех главных проходах, на всех воротах.

Но не только храмами жил Чудов монастырь.

Он стал одним из **центров духовного и научного просвещения.** Со всего православного мира сюда съезжались **учёные старцы** — греки, болгары, сербы, русские. Люди, знавшие языки, книги, богословие, историю. Здесь переводили, спорили, учили, писали. Здесь **при монастыре появилась Греко-латинская школа** — одна из первых в Москве.

В этой школе учились **дети влиятельных бояр и вельмож.** Будущие воеводы, дьяки, послы, патриархи. Мальчики, которые спустя десять-двадцать лет будут держать в руках судьбы государства, сидели здесь за длинными столами, склонив головы над греческими и латинскими текстами. Учили не только грамоте — учили **мыслить.** Учили читать сложное. Учили говорить так, чтобы слова имели вес.

Это делало монастырь **университетом до университетов.** Местом, где ковались не только молитвы, но и умы.

И тут же, в тех же стенах, — другая сторона.

Монастырь был **местом наказания.**

Сюда отправляли тех, кто «впал в немилость». Священников, которые сказали лишнее. Государственных деятелей, которые проиграли в придворной игре. Князей, навлекших на себя гнев государя. Их постригали в монахи — не по воле, а по принуждению. И они проводили остаток жизни здесь, среди тех, кто когда-то мог быть их союзником или врагом.

Обитель была одновременно **святыней и тюрьмой.** Тем и другим — сразу. И эти две сути не мешали друг другу, а жили рядом, как живут рядом молитва и боль. Тонкая стена отделяла келью праведника от кельи бывшего вельможи, тихо доживающего свой век в чёрной рясе.

В этом была своя логика, страшная и точная: если человек не может больше служить власти — пусть служит Богу. Если не хочет — всё равно будет. Стены сделают своё дело.

Уже в XV–XVI веках Чудов монастырь был **одним из самых почитаемых** мест Москвы. Не только потому, что стоял в Кремле. Не только потому, что был связан с митрополитами. А потому, что **всякий чувствовал его особую близость к власти.** Это был монастырь при государях. Не просто святой — **придворный.** Не просто придворный — **по-настоящему святой.**

Такое сочетание встречается редко. Обычно либо одно, либо другое. Либо чистая молитва вдали от суеты, либо политика под церковным покровом. Чудов монастырь ухитрялся быть **и тем, и другим одновременно** — и не терять ни того, ни другого.

Именно поэтому сюда веками шли люди. Не только монахи и паломники, но и князья, цари, патриархи, послы. Каждый шёл со своим. Кто за благословением. Кто за прощением. Кто за советом. Кто — за поддержкой.

И монастырь давал всем то, за чем они шли.

До поры.

Если бы можно было войти в келью начала XVII века и спросить любого старца: «Что ты видишь в окно?» — он ответил бы коротко:

— Кремль.

И это было бы самое точное описание того, чем был Чудов монастырь. **Не отдельно от Кремля, а в самой его середине.** Не рядом с властью, а внутри неё. Не монастырь вообще, а **монастырь Кремля.**

Тихое место на самом громком месте русской земли.

И потому — обречённое на всё, что с этим связано.

А связана с этим местом, как покажет время, вся русская история. Без исключений.

Хорошие — тоже.

Но плохие — чаще.

Глава 3. Крепость на крови

Первое большое имя, которое Чудов монастырь запомнил — и запомнил навсегда, — появилось в его стенах в 1610 году.

Это был **царь Василий Шуйский**.

Он правил четыре года. Вошёл на престол в 1606-м, после убийства Лжедмитрия I, — и с самого первого дня сидел на троне так, будто под ним угли. Бояре его не любили. Народ не понимал. Войско не доверяло. Поляки наступали. Самозванцы появлялись один за другим. Страна разваливалась на части, и Шуйский, честно пытавшийся что-то удержать, не удерживал ничего.

К 1610 году стало ясно: всё.

Его свергли. Не в бою, не в заговоре с кинжалами, а тихо, по-московски: бояре собрались, сговорились, взяли под стражу. Царя больше нет. Есть человек в чёрной рясе.

Шуйского **насильно постригли в монахи**. Прямо здесь, в Чудовом монастыре. Не потому что он хотел уйти от мира — а потому что его от мира отрезали. Постриг — это было не спасение души, а **отмена личности**. Из царя — в инока. Из государя всея Руси — в безымянного брата Варлаама. Из главы государства — в человека, которого больше не существует политически.

Никто не спрашивал, согласен ли он. Никто не давал времени подумать. Быстро, под конвоем, по обряду — и всё. Василий Иванович Шуйский кончился. Остался монах.

Его увезли в Польшу — в плен, к Сигизмунду. Там он и умер через два года. Но точка отсчёта его конца — **здесь**, в этих стенах. Чудов монастырь стал тем местом, где последний законный царь перед Смутой перестал быть царём.

Монастырь проглотил его тихо.

И это был только первый.

Через два года — в 1612-м — сюда пришёл человек совсем другого склада.

Патриарх Гермоген.

Его привели силой. Он не был свергнут, не был пострижен, не был отменён. Он был **поставлен в темницу**. Поляки, занимавшие Москву, требовали от него одного: подпиши гра-

моту. Призови русских к покорности королевичу Владиславу. Дай нам законность. Ты — патриарх. Твоё слово весит. Скажи его.

Гермоген отказался.

Его уговаривали. Ему угрожали. Его лишали еды, тепла, воды. Его запирали в подвале Чудова монастыря — того самого монастыря, где когда-то крестили царей. Патриарх всея Руси в темнице внутри кремлёвской обители. Символ невероятный по своей жестокости.

Он не уступал.

Он писал грамоты — из-под замка, из подвала, из темноты — и эти грамоты расходились по Руси. В Нижний Новгород. В Казань. В города, где собиралось ополчение. Он благословлял Минина и Пожарского. Он звал русских стоять до конца. Он говорил не как пленник, а как **голос** — громкий, ясный, не сломленный ни тюрьмой, ни голодом, ни страхом смерти.

Поляки поняли, что не сломают.

И оставили его умирать.

Он умер в темнице Чудова монастыря **17 февраля 1612 года**. От голода. От холода. От того, что человеческое тело не выдерживает, когда его ломают и оно не ломается.

Через несколько месяцев ополчение Минина и Пожарского войдёт в Москву. Смута кончится. Начнётся новая Россия. Но патриарх, благословивший её, уже лежит в кремлёвской земле — не своей смертью, не на воле, не в храме. В подвале монастыря.

Чудов монастырь стал не только местом пострига. Он стал **местом смерти праведника**.

И это тоже он проглотил тихо.

Прошло больше полувека. Многое изменилось: на престоле — Алексей Михайлович, второй царь из новой династии. Церковь в раздоре. Реформы идут одна за другой. Патриарх Никон — человек огромного роста, огромной воли, огромного честолюбия — пытается поставить церковь **над** государством. Он говорит, что священство выше царства. Он требует, чтобы царь слушался патриарха. Он строит свою церковную империю — и не замечает, как под ним начинает шататься земля.

Царь терпел долго.

Потом перестал.

В **1666 году** — тот самый год, что войдёт в историю как год **Большого Московского собора**, — Чудов монастырь становится местом **суда над патриархом**.

Не просто суда. **Вселенского суда**. Съезжаются патриархи — Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский. Цари, бояре, епископы. Никон — величайший человек церкви, ещё вчера почти равный царю — стоит перед ними как **подсудимый**.

Его обвиняют. Его допрашивают. Его лишают сана. Его низлагают.

Он выслушивает приговор молча.

Его отправляют в ссылку — сначала в Ферапонтов монастырь, потом в Кирилло-Белозерский. Он проживёт ещё долго, переживёт многих своих судей. И даже после смерти его имя будет звучать как гром.

Но **здесь**, в этих стенах, кончилась его власть.

Чудов монастырь снова стал местом, где решается судьба одного из самых больших людей своего времени.

А ещё — гробы.

Монастырь был не только местом пострига, смерти и суда. Он был **местом погребения**. Здесь, у стен собора, лежали те, кто доживал свой век рядом с государями.

Митрополиты Московские Афанасий и Симон. Те, кто стоял у кормила церкви в трудные годы, кто подписывал важные грамоты, кто рукополагал епископов. Их могилы — как тихие главы истории, вросшие в пол храма.

Последний казанский царь Едигей — в крещении **Симеон**. Тот самый Едигей, который когда-то был грозным ханом, а потом оказался в Москве, принял православие и дожил

свой век как московский служилый человек. Он похоронен здесь. Сын степи — под русскими сводами. Символ того, как Орда растворялась в Руси.

Епифаний Славинецкий — церковный деятель XVII века, учёный, переводчик, один из образованнейших людей своего времени. Он работал здесь, учил, писал — и здесь же лёг.

Князья, бояре, представители знатных фамилий — чьи имена мы сегодня читаем в синодиках, но чьих могил не найдём. Всё это лежало под полом монастыря. Слой за слоем. Поколение за поколением.

Чудов монастырь был не просто кремлёвской обителью. Он был **некрополем власти**.

И вот тут становится видно главное.

Чудов монастырь — это не просто место молитвы. Это **место, где власть сходится с властью**: земная власть — государя, боярина, полководца — и власть небесная, представленная патриархом, митрополитом, святым.

И всякий раз, когда эти две власти входят в противоречие, Чудов монастырь становится **местом, где решается исход**.

Здесь свергли царя.

Здесь уморили патриарха.

Здесь судили патриарха и низложили его.

Здесь похоронили тех, кто правил и молился.

Это не монастырь. Это **поле, на котором сходятся две силы**, и часто — не на жизнь, а на смерть. Молитва и политика, кадило и скипетр, темница и престол — всё это живёт в одних стенах, дышит одним воздухом и не может разойтись.

Так устроено это место. Так было с самого начала: монастырь вырос там, где когда-то сидел ханский наместник. На месте чужой власти. И с тех пор власть — любая, чужая и своя, — всегда считала его **своим**.

Чудов монастырь оставался святым.

Но он был святым **в самой сердцевине политики**. И это делало его уязвимым — рано или поздно — для всякого, кто приходил к власти с намерением править один.

Двести лет до Наполеона. Триста лет до революции. Четыреста лет до взрыва.

Он пока не знал.

Он только принимал в себя всё, что приносила история. И хранил.

Глава 4. Семейный монастырь

Смута кончилась.

На престоле — новая династия. Романовы. Молодой царь Михаил Фёдорович ещё не привык к тому, что он государь. Бояре ещё думают, что они решают. Церковь ещё залечивает раны. Москва ещё отстраивается после поляков. Всё в стране зыбко — но уже **не смертельно**, уже **не насмерть**. Уже можно дышать.

И в этой первой тишине после бури одной из главных точек опоры новой династии становится **Чудов монастырь**.

Выбор, если подумать, неслучаен. Монастырь в самом сердце Кремля. Монастырь, который помнил всё — Орду, Шуйского, Гермогена, Никона. Монастырь, который **выстояли** не предал. Семья, пришедшая к власти после катастрофы, нуждалась именно в таком месте: древнем, солидном, намоленном и верном.

И Чудов монастырь стал **семейным**.

1629 год.

В кремлёвских палатах — тревога и радость. У царя Михаила Фёдоровича и царицы Евдокии Лукьяновны родился сын. Долгожданный. Первый из выживших. Тот, кому предстояло стать царём **Алексеем Михайловичем** — Тишайшим.

Куда нести младенца на крещение?

В Чудов монастырь.

Это было не просто решение. Это был **знак**. Знак того, что новая династия связывает себя с этой обителью. Что будущий государь входит в жизнь **под этими сводами**. Что его первое соприкосновение с миром — здесь, у мощей святителя Алексия.

Так началась традиция.

Позже здесь крестили детей **Алексея Михайловича**. Целый выводок царских сыновей и дочерей — кто выжил, кто не выжил. Среди них — **Пётр**, будущий Пётр Великий. И его сестра **Наталья**. Те самые дети, вокруг которых потом развернётся борьба за власть, стрельческие бунты, перевороты и реформы.

Пётр был крещён здесь. Мальчик, который перевернёт Россию с ног на голову, впервые увидел мир в **Чудовом монастыре**.

Это удивительно. Пётр — тот, кто потом снесёт патриаршество, обрежет церковь, переоденет страну, поставит её на западный манер, — начал свою жизнь **в самом сердце старой, византийской, кремлёвской Руси**. В монастыре, основанном митрополитом по чуду. В храме Чуда Архистратига Михаила в Хонех.

Словно судьба заранее предупредила: можно начать здесь, а кончить где угодно.

1818 год.

Прошло почти двести лет. Пётр давно умер. Династия пережила всё, что могла пережить. На престоле — Александр I. Кремль — тот же. Чудов монастырь — тот же. А в Архиерейском доме, в митрополичьих покоях, соединённых с монастырём переходом, — радость.

У великого князя Николая Павловича и его жены Александры Фёдоровны родился сын.

Его крестят.

Где?

В Чудовом монастыре.

Мальчика зовут **Александр**. Он — будущий император **Александр II**. Освободитель. Тот, кто отменит крепостное право. Тот, кто погибнет от бомбы народовольцев на Екатерининском канале. Но пока он — просто младенец в кремлёвских палатах, и его несут сюда, в знакомые стены, к тем же мощам, к тем же сводам.

Александр II станет **единственным русским императором XIX века, родившимся в Москве**. И родился он — буквально — **в Архиерейском доме Чудова монастыря**. В митрополичьих покоях. В стенах обители, где когда-то крестили его предков.

Круг замкнулся. Монастырь, ставший семейным при Алексее Михайловиче, остался семейным и при Александре II. Поколение сменялось поколением, а место оставалось всё тем же.

Это уже не просто традиция. Это **родство**. Чудов монастырь стал частью **биографии династии**. Как родовая усадьба. Как фамильный храм.

Нельзя было представить Романовых без Чудова монастыря. И нельзя было представить Чудов монастырь без Романовых.

Обычная жизнь монастыря была с ним связана не меньше, чем громкие события.

Каждый император, приезжая в Москву, шёл сюда.

Ритуал был строго регламентирован. После приезда в старую столицу государя — литургия в **Успенском соборе**. Поклонение святыням. Потом — торжественное шествие в **Чудов монастырь**. Прикладывание к мощам святителя Алексия. Молитва. И — через специальный переход — в **Малый Николаевский дворец** на «**фамильный завтрак**».

Всё это происходило **на следующий день после приезда**. Каждый раз. Без исключений. На протяжении **всего XIX века** — от Александра I до Николая II.

Это была **церемония преемственности**. Государь, приезжая в Москву, шёл сначала в Успенский собор — к корням церковной власти. Потом в Чудов монастырь — к корням **своей, романовской, власти**. Потом в Малый Николаевский дворец — к своему дому. Полный круг. Легитимность подтверждалась **ежегодно**, не один раз при восшествии на престол, а **постоянно**. Каждое посещение Москвы — это было **переподтверждение** того, что Романовы — те самые Романовы, чьи предки крестились здесь.

Коронация — отдельно. Парадные выходы — отдельно. Но этот тихий, почти семейный визит **на следующий день после приезда** — он был не менее важен. Он был **глубже**.

1903 год. Пасха.

Николай II и Александра Фёдоровна в Москве. Праздник. Торжество. Но императорская чета — не просто гости. Они **приезжают в Чудов монастырь** и ведут себя здесь не как государи, а как **паломники**.

Они осматривают обитель **подробно**. Спускаются в **подклеты** — подземные помещения, куда обычно не заглядывают светские гости. Посещают **ризницу** — хранилище драгоцен-

ной утвари, старинных книг, облачений. Заходят в **митрополичьи покои**. Разговаривают с настоятелем. Смотрят. Слушают. Дышат **историей**.

Это уже не церемония. Это **личное**. Николай и Александра — последние Романовы, последние перед концом. И они ходят по подклету монастыря, где крестили их предков, где молились их родные, где похоронены те, кто правил этой страной до них. Они держат в руках историю — свою, семейную, родовую.

Через четырнадцать лет Николая не станет. Через двадцать шесть лет монастыря не станет. Оба исчезнут в одном и том же столетии — только один раньше, другой позже.

А пока — светлый пасхальный день, свечи, крестный ход, вежливые монахи, тёплое вино после службы. Император в подклете древнего монастыря.

Точка, из которой видно всё, что будет потом. И всё, что могло бы быть.

Чудов монастырь был **семейным** для Романовых не только в парадном смысле. В нём жили **члены царской фамилии**. В **Архиерейском доме** — тех самых митрополичьих покоях — в разное время останавливались и жили родственники государей. Это здание, соединённое с монастырём переходом, было **частью дворцового ведомства**. Не просто церковное — **придворное**.

Именно здесь родился Александр II.

Именно здесь останавливались великие князья и княгини, приезжая в Москву.

Именно здесь **всё время** чувствовалось присутствие большой семьи.

Это важная деталь. Чудов монастырь был **не только святыней**, но и **домом**. Домом для тех, у кого домом был весь дворец. Местом, куда Романовы приходили **не по долгу, а по-настоящему**. Где они могли снять с себя императорскую тяжесть — хотя бы на час — и почувствовать себя просто **Романовыми**. Большой семьёй, у которой есть свой храм.

Вот это было его настоящее лицо в последние века. Не просто монастырь в Кремле. Не просто древняя обитель. А **фамильный дом династии**, стоящий в самом сердце империи.

Династия ушла в 1917-м. Монастырь — в 1929-м. Но пока, в XIX и начале XX века, они ещё вместе.

Свет ещё горит.

И всё же в этой главе что-то очень важное уже чувствуется. Читая о крестинах Петра, о рождении Александра II в митрополичьих покоях, о тихих пасхальных визитах Николая II, мы понимаем: **это уже мир на пороге**. Хрупкий, тёплый, обжитой — и **обречённый**. Никто ещё не знает, что всё это будет разрушено. Но мы, читающие из 2020-х годов, знаем. И потому каждая деталь — свет свечи, крестильная купель, шаги в подклете, голос императора, осматривающего ризницу, — читается **сквозь грусть**.

Чудов монастырь в это время был не просто монастырём.

Он был **метафорой России**. Той России, которая умела быть старой и живой одновременно. Той России, где царь мог спокойно спускаться в подклет и смотреть на древние книги. Где монастырь помнил царей XV века и принимал царей XX века. Где не было разрыва между прошлым и настоящим, потому что прошлое **жило** внутри настоящего, дышало с ним одним воздухом.

Через несколько лет этого не станет.

Но сначала — 1812 год. Всё сначала 1812-й, потому что не всё по порядку выстраивается в человеческой памяти. И потому что **первое большое разрушение** Чудова монастыря в новейшей истории случилось именно тогда.

Не в 1929-м.

А гораздо раньше.

Глава 5. Французский штаб

Первое настоящее разорение пришло в Чудов монастырь не изнутри России, а с запада. 1812 год.

Первопрестольная ещё не знала, что её ждёт. В июне французы перешли Неман. В августе пал Смоленск. В сентябре — Бородино. Кутузов отходил к Москве, оставляя за собой пожары и молчание. Москва готовилась к тому, чего никто не мог до конца представить. Вывозили. Сжигали. Прятали. Уезжали. Город, только что бурливший жизнью, затихал, как затихают перед грозой.

К началу сентября стало ясно: французы войдут.

Чудов монастырь стоял в Кремле. Кремль — сердце России. Значит, французы войдут и сюда.

Так и случилось.

14 сентября 1812 года Наполеон вошёл в Москву. Кремль был занят почти сразу. Начались дни оккупации — те дни, о которых потом будут написаны десятки книг, воспоминаний, споров. Дни, когда древняя русская столица **стала не своим городом.**

Кремль стал штабом. Соборы — казармами. Монастыри — **хозяйственными помещениями.** И Чудов монастырь — **штабом французских войск.**

Это была не просто символическая оккупация. Это было **хозяйское обоснование.**

В алтаре одной из церквей разместилась **спальня маршала Даву.** Того самого Луи-Николя Даву, герцога Ауэрштедтского, князя Экмюльского, одного из лучших полководцев Наполеона, командующего 1-м корпусом. «Железный маршал». Человек, чья дисциплина была легендарной, а жестокость — точной, выверенной, почти педантичной.

Он спал **в алтаре храма.**

Трудно придумать более сильное оскорбление святыни. Не в келье, не в трапезной, не во дворе — **в алтаре.** В самом святом месте храма. На месте, куда входили только священники. На месте, где стоял престол. **Там, где совершалось таинство, теперь стояла кровать крепкого, усталого человека, который ложился спать в девять, вставал в пять и не думал о том, что он делает.**

Он думал о другом. О дисциплине. О снабжении. О том, чтобы французская армия в холодной Москве не разложилась за месяц. Монастырь был для него удобен: в центре Кремля, прочные стены, большие помещения, отдельный двор.

Даву, по-видимому, ничего личного против Чудова монастыря не имел. Ему просто было нужно место. И он занял лучшее.

Так война обращается с древними стенами. Люди, которые их строили, вкладывая душу, молились о том, чтобы здесь было тихо и свято. Приходят другие люди — сильные, собранные, деловитые, — и видят в этом просто **помещение**. Алтарь — спальня. Собор — склад. Трапезная — казарма. Древние иконы — доски на растопку.

Что сделали французы с монастырём — то, чего никто до них не делал.

Архивные документы были выброшены. Бумаги, книги, грамоты, которые монахи хранили веками, **валились на пол, в грязь, под ноги солдат**. Что-то использовалось как бумага для растопки. Что-то — как упаковка. Что-то — как ненужный сор. Уничтожение бумаг было делом бытовым, не идейным: просто не нужно, значит, в мусор.

Это страшнее любого злого умысла. Уничтожение по незнанию.

Церковная утварь — золото, серебро, оклады икон, литургические сосуды, кресты — **шла в переплавку**. Французской армии в Москве нужны были деньги и металл. Красивое серебро Чудова монастыря превращалось в слитки. То, что освящалось столетиями, что держали в руках митрополиты, цари, патриархи, — топилося в походных тиглях и превращалось в обычную казну. Символ — в материал.

Книги жгли. Не только архивы — богослужебные книги, рукописи, летописи. Всё, что горело, шло в печи. Зимой 1812 года в Москве было холодно. Французская армия топила тем, что находила. И находила здесь **очень много**.

Всё, что не сгорело, не уплыло в переплавку, не попало в руки солдат в качестве трофея, — было **выброшено** или **брошено**. Уничтожение было не фронтальным. Оно было **бытовым**. Как рубят лес, чтобы построить деревню. Как разбирают старое здание, чтобы взять кирпич.

Французы не ставили целью уничтожить монастырь как таковой. Они просто **использовали** его. **И использование оказалось страшнее злого умысла.**

Кремль горел вместе со всей Москвой.

Пожар начался в ночь на 15 сентября — сразу после входа французов. Кто его поджёг — до сих пор спорят. Одни говорят — русские, по приказу Растопчина. Другие — сами французы, случайно. Третьи — обе стороны, каждая по-своему. Так или иначе: **Москва пылала несколько дней**. Кремль тоже горел. Огонь подбирался к монастырям, к храмам, к складам. Наполеон, говорят, стоял у окна и смотрел на пожар, не произнося ни слова.

Чудов монастырь огонь пощадил. Не сжёг. Не разрушил. Но **тронул**: копать на стенах, обугленные детали, следы дыма, следы пепла на всём, к чему прикасался огонь или дым.

Монастырь выстоял.

Это было чудом — в прямом смысле слова.

Какой-то внутренний закон этих стен, видимо, не позволял им исчезнуть. Сколько бы раз их ни жгли, ни разоряли, ни топтали, — они оставались **на месте**. Как будто сама история не хотела, чтобы монастырь уходил.

Но чудеса случаются не всегда. Это мы уже знаем. Просто тогда, в 1812-м, **это ещё было чудо**, а не приговор.

Через полтора месяца французы ушли.

Началось восстановление.

В 1814 году — через год с небольшим после оставления Москвы — Чудов монастырь был **приведён в порядок**. Не полностью, конечно. И не сразу. Уничтоженное не вернуть. Переплавленное серебро не вернётся из слитков в оклады. Сожжённые рукописи не возродить из

пепла. Разбросанные архивы собрать можно, но не все. Часть утрачена навсегда, и это невосполнимо.

Но монастырь **восстал из праха**.

Его стены стояли на месте. Его собор — цел. Его мощи святителя Алексия — на месте, никто их не тронул. Его двор — снова монастырский. Его службы — снова пошли. Его братия — снова собралась. **Восстановили**, чем могли, что могли.

К 1820-м годам Чудов монастырь был **снова Чудовым монастырём**. Может быть, чуть беднее. Может быть, чуть утративший сокровища. Но — **живой**.

И это важно.

Потому что **та же история повторится через сто с лишним лет**. Опять разорение. Опять угроза. Опять, казалось бы, конец. И читатель, дошедший до 1929 года, будет вспоминать: «Подождите. В 1812-м тоже было страшно. И он восстановился. Может, и сейчас?..»

Но не восстановится.

Потому что **в 1929-м всё будет иначе**. Не стихийное разорение. Не солдаты, которые просто ищут, чем топить. Не временная оккупация и не пожар войны. А **продуманное, подготовленное, плановое решение** о сносе. Со сроками, с исполнителями, с целью. Со строительством нового здания **на этом же месте**.

Между 1812 и 1929 — целый век, несколько поколений, много разных судеб. И та самая Россия, которая в 1812-м отстояла Кремль, в 1929-м сама решит, что монастырю в Кремле **места нет**.

Но это будет потом.

Пока — 1814 год. Монастырь снова дышит. Настоятели снова служат. Прихожане снова приходят. Всё по-старому. Всё **в новом времени**.

Чудов монастырь ещё не знает, что он только что пережил **репетицию** своего конца.

Настоящий конец придёт **через сто пятнадцать лет**.

Глава 6. Красное и белое

Революция пришла в Кремль не сразу.

В феврале 1917-го ещё казалось: всё можно поправить. Царь отрёкся — но осталась Россия. Дума — но обещала быть. Временное правительство — но оно работало. Война шла, но война шла и раньше. Многие надеялись: как-нибудь, как всегда, всё уладится. Так у нас умеют надеяться.

Чудов монастырь продолжал жить. Служил. Молился. Принимал богомольцев. Открывал ризницу для желающих посмотреть. Вёл записи. Всё — как обычно. Всё — как **всегда**.

И тут грянул октябрь.

Но и октябрь был не сразу концом. Некоторое время всё ещё висело в воздухе. Советы, декреты, первые расстрелы, первые аресты — но Кремль ещё стоял как Кремль. Монастыри ещё стояли как монастыри. Никто ещё не говорил прямо: «Это будет снесено».

Первое, что случилось, — **обстрел**.

Ноябрь 1917 года.

Москва становится ареной боёв между юнкерами и красными. Кремль — важнейшая точка. Стреляют по нему, из него, вокруг него. Огонь идёт разрушительно для всех. Для святого места — особенно.

Чудов монастырь попадает под обстрел. В его стенах — **пробоины**. В его куполах — **повреждения**. По стенам — следы от снарядов, осколков, пуль. Кое-где рушится кладка. Что-то выбито. Что-то обвалилось. Монастырь получает **первый серьёзный удар** — уже от своих, от русских, от красных, от тех, кто через каких-то двенадцать лет будет принимать решение о сносе.

Обитель не рухнула. Выстояла. Но что-то в ней **сломалось уже тогда**. Трещина прошла не столько по камню, сколько **по смыслу**. После обстрела 1917 года всем, кто думал, стало ясно: **если революция обещает не считаться со святыми местами — она не будет считаться и с Чудовым монастырём**.

Он был обречён **ещё до того, как это было объявлено**.

Просто об этом никто ещё не сказал вслух.

1919 год.

Прошло два года. Советская власть укрепилась. Началась **кампания по вскрытию мощей**— одна из самых страшных по своей символике акций новой власти. Она должна была показать народу: *всё, что вам говорили о святых, — обман. Вот, смотрите, там ничего нет. Там просто кости и тлен. Ваша вера — предрассудок.*

Чудов монастырь не избежал этого.

Мощи святителя Алексия — **вскрыты**. Рака, которая веками стояла в соборе, — **открыта**. Толпа, комиссия, фотографии. Протокол. Постановление. Уничтожение.

Это было **внутреннее разрушение**. Внешне монастырь ещё стоял. Но то, ради чего он был создан, — **подорвано изнутри**. Не пушкой, не снарядом, не пожаром. А официальным распоряжением, подписанным властью, которая решила отменить саму святость.

Через несколько месяцев, тоже в 1919-м, обитель **закрыли**.

Формально — по решению властей. Из-за «нецелесообразности» церковного использования. Из-за «объективных причин». Из-за чего угодно — но суть одна: **монастырь перестал быть монастырём**. Монахов **изгнали**. Кто-то ушёл в мир, кто-то — на Соловки, кто-то — в лагерь, кто-то — в никуда. Здания **передали другим учреждениям**. Храмы **перестали служить**. Колокола — **замолчали**. Ризница **опустела**. Кельи — **заселились новыми людьми**. Слово «братия» перестало иметь к этим стенам какое-либо отношение.

Триста шестьдесят четыре года монашеской жизни в этих стенах — **кончились**.

Тишина. Пыль. Чужие кабинеты. Бумаги. Служащие. Советские учреждения. Люди, которые не знали и не хотели знать, что здесь **было**.

1923 год.

Прошло ещё четыре года. Монастырь стоял — уже пустой, уже недействующий, уже никому не нужный в прежнем смысле — и **что-то должен был означать**. Советская власть не могла просто так оставить его в Кремле. Надо было определиться: снести? перестроить? превратить в музей? использовать?

Сначала выбрали третье.

1923 год: Чудов монастырь признан памятником архитектуры.

Ему выдали **охранную грамоту**. Он был внесён в списки. Его история, его происхождение, его связь с великими событиями — **всё это было признано государством**. Художественная и историческая ценность. Архитектурный шедевр. Памятник.

Документ. Постановление. Официальная бумага. С печатью. С подписью. Чудов монастырь **под защитой государства**.

И вот здесь читатель должен вспомнить.

Красные ворота. Тоже признавали памятником. Тоже давали понять, что это **ценность**. И тоже снесли — быстро, в одно время, по «объективным причинам». Логика та же.

Обещание памятника — ничего не значит, если **место нужно** для чего-то другого.

Следующие шесть лет — тишина.

Чудов монастырь стоит. Всё ещё стоит. Пустой, но стоит. На фотографиях 1920-х он выглядит странно: целый, но **внутренне выключенный**. Здания есть, но жизни в них нет. Собор на месте, но службы не идут. Мощи на месте — нет, мощей уже нет. Всё стоит **как декорация к пьесе, которую уже отменили**.

И даже на этих фотографиях видно: недолго.

Все, кто тогда смотрел на Кремль внимательно, знали: **вопрос не в том, снесут или нет. Вопрос — когда**.

Ночь на 17 декабря 1929 года.

Советское правительство принимает решение о сносе.

Не только Чудова монастыря — а целой группы объектов в Кремле. **Вознесенский монастырь** — тоже. **Малый Николаевский дворец** — тоже. Это не одиночный акт. Это

эпизод плановой реконструкции Кремля, переустройства территории под нужды военной школы. Кремль должен был стать функциональным, современным, военным.

Монастыри в нём — лишние.

И вот **в ночь на 17 декабря 1929 года** — то, чего медленно, но неуклонно шли к этому восемнадцать лет с момента обстрела 1917-го, — **свершилось.**

Монастырь **взорвали.**

Взрыв не был громким в масштабах страны. Не попал на первые полосы. Не был оформлен как акт государственной важности. Это было **обычное, будничное событие.** Утром газеты писали о производственных успехах, о коллективизации, о планах на будущее. О том, что **в Кремле освобождают место для военной школы.** О том, что **старые постройки мешали строительству нового.**

Никаких торжеств. Никаких зловещих подробностей. Никакой публичной казни здания. Просто — снос.

Так русская история умеет уничтожать.

Иногда **страшно громко**, но чаще — **тихо.** Со строительным мусором, с привлечёнными рабочими, с приказами о сроках, с составлением смет. **Как рубят старый дом, чтобы построить новый.**

К утру 17 декабря 1929 года Чудова монастыря не стало.

Что именно было утрачено в ту ночь — трудно перечислить.

Собор Чуда Архистратига Михаила в Хонех. Простоял с XIV века. Перестраивался, обновлялся, но оставался **тем самым первым каменным собором**, ради которого митрополит Алексей выбрал это место. **Где крестили Петра I. Где крестили Александра II.** Взорван.

Алексеевская церковь. Связанная с Благовещенским храмом в единый комплекс. Взорвана.

Церковь Андрея Первозванного при трапезной. Тот закрытый, тихий храм для монашеской братии, куда не ходили миряне. Взорвана.

Надвратные храмы. Множество. Все. Взорваны.

Мощи святителя Алексия. К тому времени уже вскрытые, вывезенные, превращённые в предмет музейного экспонирования. Взорвана самих рак. Сохранено — по частям — в разных хранилищах. Только часть вернётся потом в церковь. Только часть. Не целиком.

Гробницы. Митрополиты Афанасий и Симон. Едигей в крещении Симеон. Епифаний Славинецкий. Бояре и князья. **Всё — под обломками.** Останки, с которыми никто не церемонился, смешались с камнем, известью, пылью. Восстанавливать **некому.** Опознать — **невозможно.** Вернуть на место — **некуда.**

Вековые стены, кельи, трапезная, звонница, двор, переходы, кладка, роспись, иконы, книги — всё. Пятьсот шестьдесят четыре года существования — за несколько часов.

Не «погибло». Не «сгорело». Не «обвалилось от времени». **Взорвано по решению властей.**

В одну ночь.

Утром следующего дня на месте Чудова монастыря был **пустырь.**

Белое небо, морозный воздух, груды камня, разбитые кирпичи, куски росписи, обломки. Снег ложился на всё это тихо, ровно, безразлично. Как будто ничего не случилось. Как будто здесь всегда была пустота.

И это, пожалуй, самое страшное в этой картине.

Не взрыв. Не решение. Не указ.

А то, как быстро место становится пустым.

Через несколько дней — уже не разглядеть, где чей фундамент. Через год — уже не различить, где кончались стены. Через десять лет — на этом месте будет **стоять новое здание**. Через двадцать — никто уже не вспомнит, что здесь **было что-то другое**.

Так исчезают города внутри городов.

Так исчезают эпохи.

Так исчез Чудов монастырь.

Глава 7. Освободить место

После взрыва на месте Чудова монастыря остался не только пустырь. Остался **вопрос**: что здесь будет?

Ответ пришёл быстро.

1930–1934.

Кремль реконструировался. Не стихийно, не в пожарном порядке — **планово, по проекту, по смете**. Советская власть перестраивала древнюю резиденцию под нужды нового государства. Кремль должен был стать **рабочим местом**, не памятником. Здесь работали Совнарком, ЦИК, партийные органы. Здесь должна была разместиться **Объединённая военная школа имени ВЦИК**.

Монастырей в этой логике быть не могло. Не потому, что они «церковные», — а потому, что они **занимали место**. Место в центре, где нужны были казармы, аудитории, плац, административные корпуса.

И на месте Чудова монастыря вырос **14-й административный корпус Кремля**.

Это было некрасивое здание. Честно говоря, совсем некрасивое.

Оно строилось **быстро, функционально, без души**. Серая штукатурка. Простые окна. Правильная прямоугольная форма. Никаких деталей, никаких украшений, никакой памяти о том, что здесь было. Здание, которое стояло **не потому что кому-то нравилось, а потому что было нужно**.

Оно не пыталось заменить монастырь. Оно не пыталось казаться лучше. Оно даже не пыталось быть **архитектурой**. Это был **инструмент**. Простое орудие для работы. Пространство, где заседали, писали бумаги, принимали решения.

Корпус простоял **восемьдесят два года**.

За это время в нём побывало бесчисленное количество людей. Чиновники, офицеры, секретари, машинистки, курьеры, посетители. Он видел несколько поколений советской власти. Видел войну. Видел эвакуацию 1941-го. Видел возвращение. Видел смерть Сталина, хрущёвскую оттепель, брежневский застой, перестройку. Видел конец СССР. Видел 1990-е. Видел 2000-е.

Он был свидетелем всей советской и постсоветской истории — и при этом был самым неинтересным зданием Кремля. Никто не приходил смотреть на 14-й корпус. Никто не снимал его на память. Никто не писал о нём стихов. Никто не защищал его, когда пришло время.

Здесь важно сказать одну вещь.

Снос Чудова монастыря не был неизбежен.

В 1923 году его признали памятником архитектуры. Были проекты его **сохранения** — музеефикации, использования как исторического объекта. Были люди, которые **предлагали оставить его в Кремле** — как памятник, как достопримечательность, как часть истории, которую можно показывать туристам и изучать.

Никто их не услышал.

Не потому, что кто-то злой стоял за этим. А потому, что **в тот момент** слово «памятник архитектуры» ничего не значило против слова «нужно место». Пятисотлетняя история **проиграла** тридцатилетнему плану. Камень, молитва, память, кровь предков — всё это **оказалось легче**, чем постановление о реконструкции.

Так бывает.

И так будет ещё много раз.

14-й корпус был построен по проекту архитектора **Ивана Рерберга** — сына известного архитектора, автора Киевского вокзала. Строили **с 1932 по 1934 год**. Открыли тихо, без торжеств. Здание встало в строй и **начало работать**.

Шли годы. Менялись владельцы, вывески, назначения. Корпус жил **обычной административной жизнью**. Здесь размещались разные подразделения. В последние десятилетия — службы **Администрации Президента**, комендатуры, технические подразделения.

Он не был ни святым местом, ни проклятым. Он был **обычным**. Служил себе и служил. Никто не обращал на него внимания. Никто не думал о том, **что под ним лежит**.

А под ним лежали **останки того самого монастыря**. Фундаменты, кладки, кости, осколки росписи, черепки. Всё то, что не успели уничтожить до конца, что осталось **вросшим в землю** — прямо под полом административного здания.

Только в 2014 году, во время археологических работ, проводившихся перед реставрацией, **эти остатки были найдены и изучены**. Учёные получили доступ к фундаментам, нашли фрагменты фундамента XVI века, части построек, обломки утвари. **Возникла тонкая связь между тем, что было, и тем, что стояло**. Но никакой связи **внешней**. Просто подвал нового корпуса — и в нём чёрные камни древней истории.

2016 год.

Проходит почти тридцать лет после падения СССР. Кремль давно перестал быть средоточием партийной жизни. Монастыри восстанавливаются один за другим. Храмы возвращаются. Христианские символы снова входят в официальную жизнь страны. И где-то на фоне этого — тихо, негромко, почти невидимо — **начинают обсуждать вопрос о 14-м корпусе**.

Здание старое. Не совсем вписывается. Не совсем удобно. Место — историческое. Тут был **Чудов монастырь**. Не восстановить ли?

Тема обостряется к **2014 году**, когда археологи подтверждают: **фундаменты целы**. Под корпусом — **основание монастыря**. Это важная находка. Она **оживляет память**. Она **создаёт возможность**. Появляется идея: можно снести корпус и **восстановить Чудов монастырь на историческом месте**.

В 2016 году 14-й корпус был снесён.

Это было тихо. Не как в 1929-м, не в ночь, не со взрывом. Просто демонтаж. По расписанию. По проекту. Исполнители в касках, техника, охрана, ограждения. Информация в прессе — сухо, коротко, по-деловому.

Прошло меньше десяти лет с момента сноса. И уже трудно вспомнить точно: **в каком году, какой корпус, зачем сносили**. Просто был — и убрали.

Что теперь.

Корпуса нет. Монастыря нет. Только **низкие каменные кладки**, вросшие в брусчатку Ивановской площади. Фрагменты фундаментов, обозначенные так, чтобы они **не мешали людям ходить**. Ни таблички с названием, ни обелиска, ни креста, ни надписи.

Только табличка: *фрагменты фундаментов утраченных памятников архитектуры*.

Всё.

Вопрос о восстановлении Чудова монастыря — открыт. Неспешно обсуждается. Кто-то поддерживает, кто-то возражает. Проектов нет. Сроков нет. Решений нет. Есть просто **место**, на котором **чего-то нет**. Дважды нет. Первый раз — с 1934 года. Второй раз — с 2016-го.

Минус на минус. Пусто на пусто.

И вот здесь надо честно проговорить главное.

Что происходит с местом, которое **дважды освободили** — сначала от одного, потом от другого?

Оно становится **пустотой**. Настоящей. Не той, которая уже заполнена будущим, а той, которая **ещё не заполнена**. Пустой, зияющей, ждущей. Кто-то должен её заполнить. Что-то — должно её занять. Но пока — ничего. Пока — **только камни**.

И эти камни **значат больше**, чем что-либо построенное. Потому что они помнят **все уровни**. И первый — монастырь Чуда Архистратига Михаила. И второй — административный корпус. И третий — снос. И четвёртый — новый снос. И пятый — эта самая пустота, в которой мы сейчас стоим.

Пустота — **самое честное состояние этого места**. Потому что любое здание, стоящее здесь, было бы **не то**. Монастырь — не восстановишь. Корпус — уже не нужен. А новое — ещё **не определилось**, каким оно хочет быть.

Камень — вот кто дожил до этого момента. Целый. Тихий. Ничего не требующий.

Со Красными воротами была та же логика.

Сначала — снесли. Потом — построили. Потом — построенное оказалось ненужным. Потом — снесли построенное. Потом — ничего не построили. И место стало **пустым**. Мемориалом отсутствия.

С Сухаревой башней — немного другая история, но не по сути. Тоже что-то стояло. Тоже что-то убрали. Тоже разбирали-разбирали, пока не осталось **ничего, кроме памяти**.

С Чудовым монастырём — ещё интереснее. Его **дважды стирало**. Сначала — новое государство, развернувшееся на новый лад. Потом — то же государство в новом виде, пытающееся вернуться к старому. **Оба раза сносили по-настоящему**.

Может быть, этого и хотела история. Оставить **пустое местовместо** монастыря. Не потому, что не нашлось того, кто восстановит. А потому, что **место важнее здания**. Пустота здесь — **точная метафора** того, что произошло с Россией в XX веке.

Русская история XX века — это **вычеркивание и восстанавливание**, и часто сделанное **не до конца**. Здесь — точно не до конца. Фундаменты остались. Просто — лежат под ногами. Просто — напоминают.

Эпилог. Камни

Вернёмся на Ивановскую площадь.

Всё то же. Брусчатка. Спешащие люди. Очередь в Оружейную палату. Экскурсовод с зонтиком ведёт группу к Царь-пушке. Туристы фотографируются. Кто-то ест мороженое. Кто-то разговаривает по телефону. Кто-то объясняет ребёнку, где стоял Кремль раньше и где он стоит теперь. Обычный день. Обычная Москва.

И — камни.

Низкие. Тёмные. Вросшие в брусчатку. Едва возвышающиеся над землёй. Их никто не трогает. Их никто не переставляет. Их **нельзя** заметить, если идти медленно и смотреть не по сторонам, а под ноги. Но почти никто не идёт медленно и почти никто не смотрит под ноги.

Камни лежат.

Они — **всё, что осталось от пятисот шестидесяти четырёх лет.**

Четырнадцатый век: митрополит Алексей, ханша Тайдула, слепота, чудо, подарок хана. Первый деревянный храм. Потом — каменный. День рождения обители — 1365 год. Отсюда всё пошло.

Пятнадцатый — шестнадцатый: город в городе. Собор, трапезная, надвратные храмы, школа, старцы, кельи, двор. Жизнь, которая **шла сама собой** — потому что шла уже двести лет.

Семнадцатый: Шуйский, лишённый трона. Гермоген, умоённый в темнице. Никон, низложенный на соборе. Три судьбы, раздавленные в этих стенах. Три тени, до сих пор не нашедшие покоя.

Восемнадцатый: война, алтарь как спальня, переплавленное серебро, сожжённые книги. И восстановление — потому что невозможно было иначе.

Девятнадцатый — начало двадцатого: крестины Петра. Крестины Александра II. Ежегодное шествие императоров к мощам основателя. Тихие пасхальные визиты. Монастырь, ставший **родовым домом** династии. Двести лет спокойной, тёплой, обжитой жизни.

И — ночь на 17 декабря 1929 года.

Взрыв.

Пустырь.

Потом — корпус. Восемьдесят два года серой, работающей, никому не нужной постройки. Потом — ещё один снос. Потом — снова **пустота**.

Всё это — в этих камнях. Не метафорически. **Буквально**. Под этой брусчаткой — фундаменты. Под фундаментами — останки. В останках — люди. В людях — история. В истории — **всё, что было**. Хоть копни — найдёшь.

Копнули. И нашли. И **опять закрыли землёй**.

Может быть, так и надо.

Может быть, это место должно быть **пустым**. Не для того, чтобы забыть. Не для того, чтобы простить. А для того, чтобы **смотреть**. Чтобы каждый, кто идёт по Ивановской площади, мог — при желании — **увидеть под ногами историю** и сделать с ней то, что решит его совесть. Кто-то пройдёт мимо. Кто-то остановится. Кто-то прочтает табличку. Кто-то найдёт в интернете, что здесь было. Кто-то — дай бог — заинтересуется. А кто-то — предложит восстановить.

Это не важно, что **кто-то**. Важно, что место **это позволяет**. Оно не закрыто зданием. Оно не спрятано за фасадом. Оно **открыто**. Открыто под ноги, под взгляд, под память. Монастырь, стёртый с лица земли дважды, **остался** — потому что остался как **место**, а не как здание. И это, пожалуй, **самая сильная форма его существования**.

Мы не можем вернуть Чудов монастырь. Мы можем **знать его**. Знать, что здесь было. Знать, почему оно исчезло. Знать, **что именно мы утратили**. Это — единственное, что не отнимается. Всё остальное — отнялось. Камень — остался. И **знание о камне** — остаётся с нами.

Каждый город — это слоёный пирог. Москва — особенно. Здесь под каждой площадью **ещё одна площадь**. Под каждой церковью — **ещё одна церковь**. Под каждым домом — **ещё один дом**. И почти всё это **не наше**. Не потому что мы плохие. А потому что мы — **не первые и не последние**. Москве восемьсот с лишним лет. Поколений было **много**. И каждое — что-то оставило, что-то стёрло, что-то забыло, что-то сохранило.

Задача — не в том, чтобы **всё вернуть**. Невозможно. Задача — в том, чтобы **не забыть**. Потому что за забвением **всегда приходит второе стирание**. Первое забвение — тихое. Второе — с бульдозерами.

Мы должны знать, что под нами.

Не из сентиментальности. Не из ностальгии. А потому, что **без этого знания наше настоящее становится случайным**. Сегодня **здесь** — брусчатка. Завтра — парковка. Послезавтра — что-то ещё. И если мы не помним, что было на этом месте, то и **всё, что мы построим**, будет стоять на пустоте. Пустота станет опорой. Пустота станет смыслом.

А это и есть та **беспамятная Россия**, в которой всё **отменяется** в один момент. Язык — отменили. Правописание — отменили. Память — отменили. Монастырь — отменили. Кто-то придёт — и отменит **нас**.

Но если мы **помним** — помним и язык, и правописание, и монастырь, — нас **труднее отменить**. Память — наша защита от нового стирания. Не всегда достаточная. Но единственная, которая есть.

Итак, вернёмся к тем же камням.

Тёмные. Вросшие в землю. Безмолвные.

Мы можем пройти мимо. Можем не заметить. Можем не узнать. Все имеют право — это **нормально**, так живут люди. Но мы — если захотим — мож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.